

АЛЕКСЕЙ, первый мой вопрос будет традиционным. Живет на свете мальчишка, такой же, как тысячи его сверстников. Заглядывая в будущее, родители хотели бы видеть его знаменитым ученым, архитектором, музыкантом. А чего бы хотел он сам? Когда и где закладываются те черты характера, которые в дальнейшем станут залогом жизненного успеха?

— Согласитесь, что многое в выборе жизненной позиции зависит от темперамента человека, от того, какой запас энергии заложен в него с детства.

Именно в то время я начал собирать джазовые пластинки, довоенные, начиная с Леонида Утесова и кончая Дюком Эллингтоном, который был очень популярен в нашей стране в тридцатые годы. Параллельно учился в обычной музыкальной школе, на классическом материале. Моей маме (а она у меня теоретик музыки, педагог) очень хотелось, чтобы я стал музыкантом. Родителям всегда кажется, что их дети одарены от природы, отмечены божьей искрой. Так было и со мной. Кроме музыкальной школы, я еще учился рисованию. Нагрузка была очень большая, и мне все это очень быстро надоело. Скоро я бросил одну школу, потом вторую и, как все, начал заниматься спортом, почти все время проводил на улице.

Правда, увлечение пластинками у меня осталось. Я собирал их несколько лет и к десятому классу собрал уже большую джазовую коллекцию, хорошо разбирался во всех течениях джаза, хотя в начале пятидесятых годов этот вид музыкального искусства был у нас непопулярен. Пластинки пластинками, но у меня и в мыслях не было играть самому какие-то джазовые произведения. Тогда сатирики высмеивали увлечение джазом, было много карикатур, пародий, и вообще джаз был забыт прочно, казалось даже — навсегда.

Такое положение продолжалось до VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Мне, студенту Московского архитектурного института, выпало счастье увидеть и услышать во время фестиваля выступления известных в то время джазовых музыкантов, приехавших на фестиваль из Англии и Америки. Мне очень захотелось научиться играть. Вот ведь как бывает: возможность учиться музыке была, меня в детстве даже заставляли просиживать часы за пианино. Но толку от этой учебы было мало. И вот уже в достаточно зрелом возрасте я сам пришел к мысли о серьезных занятиях музыкой. Вероятно, здесь кроется немаловажное звено, без которого невозможно становление будущего музыканта. Необходимо для себя решить, нужна ли тебе музыка.

— Иными словами, музыкальная школа дала вам немного. Но ведь будет мнение, что самостоятельно научиться играть достаточно профессионально на музыкальных инструментах почти невозможно. С чего же начался ваш путь как джазового музыканта? Ведь в то время достать партитуры джазовых произведений, накопить опыт было значительно сложнее, чем сейчас.

— Не дай бог вспоминать о годах моей учебы. Нас было тогда очень немного — любителей джазовой музыки. Иногда мы собирались вместе, пытались играть известные композиции. Что-то получалось, чаще мы были недовольны собой. За три года мне, правда, удалось стать джазовым пианистом и саксофонистом, но теперь-то я понимаю, что уровень у нас был еще весьма низок. В 1960 году я даже рискнул поехать с квинтетом на джазовый фестиваль в Тарту, и вот с этого момента начинается моя биография как музыканта.

Начало шестидесятых годов было для нас многообещающим. Мы получили приглашение играть в первом в Москве, да и в стране, молодежном кафе. С него начались, в сущности, все молодежные кафе. Когда мы начали там играть джаз, то решили между собой, что танцевать не дадим. Пусть люди учатся слушать музыку. Многие нас не поняли. Считалось, что джаз — это как раз то, что годится для танцев и ресторана, но мы стояли на своем. Позже мы даже начали играть в «Молодежном» концертную программу, что вообще было из ряда вон выходящим событием.

Наше кафе тех лет было и остается до сих пор уникальным явлением. В нем велась настоящая клубная работа, проводились музыкальные конкурсы. В 1962 году в кафе прошел первый Московский джазовый фестиваль, организованный Московским горкомом комсомола. Он открыл в истории советского джаза новую страницу. По решению горкома нас, ставших его лауреатами, послали в Польскую Народную Республику на крупный европейский фестиваль «Джаз джембори», и там мы получили высокую оценку специалистов.

— Конечно, быть первым, прокладывать новые пути нелегко. Если бы у вас и ваших единомышленников не было веры в свои силы, уверенности в том, что вас в конце концов поймут, признают, дадут возможность найти свой стиль и манеру исполне-

ния, то Козлов как музыкант вряд ли состоялся бы. Сейчас от многих джазовых музыкантов приходится слышать сетования на то, что им негде играть, что их не понимают, более того, не признают. Ваш пример является ярким доказательством, что любовь к своему делу может помочь преодолеть недоверие к джазу.

— Конечно, это произошло не сразу. Мы выступали в основном в молодежных кафе, таких, как «Ритм», «Печора», и это продолжалось до 1971 года. Одновременно я работал дизайнером в Институте промышленной эстетики и должен сказать, что моя первая профессия вовсе не мешала увлечению джазом. Пожалуй, наоборот, знание основ архитектуры позволяло мне глубже проникнуть в суть музыкального произведения. Ведь говорят, что архитектура — это застывшая музыка, и живут эти два вида искусства по единым законам.

Ритм, динамика, красота — те составные части, без которых не существует ни здание, ни музыкальное произведение. Но когда я стал уже профессиональным музыкантом, мне пришлось расстаться с архитектурой, и сделал я это, признаюсь, без сожаления. Настоящая работа началась для меня в экспериментальной студии джаза, которая вот уже много лет существует во Дворце культуры «Москворечье». Мы учили людей любить джаз, понимать то содержание, которое стоит за его внешней формой.

Был у меня в жизни эпизод, который можно назвать кризисом, что ли. Два года я не прикасался к инструменту, не знал, что играть. Именно тогда и открылось вдруг весьма широкое поле деятельности — рок-музыка. Раньше я ее не любил и не признавал, да и была она гораздо примитивнее, чем сейчас. Пришла мысль: а не попробовал ли собрать любителей рок-музыки и создать ансамбль нового типа, рок-ансамбль, где органически солюются традиции старого джаза с новыми традициями вот этой самой рок-музыки?

Найти таких людей было нелегко. Но постепенно в студию нашли дорогу молодые музыканты, профессиональные, подчеркиваю, которые учились в консерватории, с опытом, со жгучим интересом ко всему новому. То есть пришли те, кто сейчас и составляет основу ансамбля «Арсенал». Вечерами, когда пустовали классы студии, мы занимались, готовили первую программу, и когда нам показалось, что она более или менее готова, мы показали ее в нескольких московских клубах.

Успех превзошел все ожидания. Кроме нашего ансамбля, новую музыку никто не играл, а интерес к ней был очень велик. Да он и сейчас не угасает. Мы исполняли песни очень популярных в то время ансамблей «Чикаго» и «Пот, кровь и слезы». Любители рок-музыки слышали их толь-

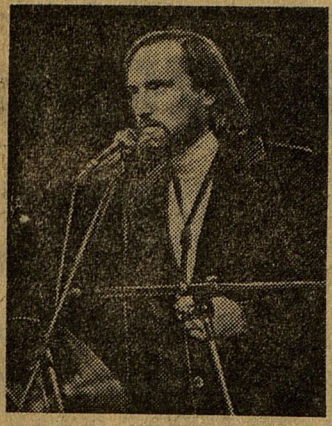
ко в записи, а мы попытались прочесть эти произведения самостоятельно, внести в них что-то свое. Основная трудность была в том, что мы не имели никакого статуса, выступали редко. У музыкантов жизнь была нелегкой, у многих из них были заманчивые приглашения в другие составы. Но те, кто был предан своему коллективу, выдержали период роста, остались верны «Арсеналу», сохранили свой почерк, свое лицо. Этот отрезок нашего пути занял три года. Была пора взросления, и вот уже два года мы существуем как ансамбль Калининградской государственной филармонии.

— Алексей, ваш ансамбль пользуется широкой и заслуженной популярностью. Во многих городах, где вас уже слышали, его ждут с нетерпением и во второй, и в третий раз.

Званый гость

Алексей КОЗЛОВ — лауреат всесоюзных и международных джазовых конкурсов, художественный руководитель джаз-рок ансамбля «Арсенал».

ДЖАЗ-РОК, ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЦУ

Можно ли сказать, что изменились вкусы публики, что теперь она стала значительно глубже разбираться в современной музыке? Ведь раньше почему-то считалось, что джаз слишком академичен, а о рок-музыке у многих вообще было самое смутное представление.

— Извините меня за такое сравнение, нас часто называют «миссионерами» новой музыки. Наш ансамбль за два с лишним года побывал во многих городах страны, и мы видели, как тянется молодежь к свежей музыкальной струе, которая отличается и от традиционного джаза, и от вокально-инструментальных ансамблей. Некоторые просто боятся искать что-либо новое, они предпочитают быть кем угодно, а в довершение — считать себя джазовыми музыкантами. Они окружают себя чуть ли не ореолом мученичества, жалуясь на непонимание.

Нам такая позиция глубоко чужда. Конечно, гораздо меньше ответственности, если ты спокойно играешь в ресторане. Таких людей устраивает положение, как будто бы джаз запрещают. Но сейчас быть «страдальцем» очень трудно, потому что люди, наоборот, хотят, чтобы играли джаз, правда, играли его честно и квалифицированно. Вот в этом смысле аудитория наших слушателей действительно изменилась. Она повзрослела, как повзрослел и сам джаз.

Мы видим свою задачу не только в том, чтобы играть джаз. Мы должны его проагандировать, искать свой способ звучания и исполнения произведений. Большая часть нашей музыки — это импровизация, и звучит она на сцене всякий раз по-новому. Необходимо знать, зачем ты играешь, о чем ты играешь. Джазовый музыкант, выходя на сцену, должен выработать свою концепцию. Играть по нотам проще, так как в этом случае человек полагается на концепцию автора нот. А мы стремимся изложить свою жизненную позицию через импровизацию.

— Потребительское отношение к музыке погубило уже не одного способного исполнителя. Какие требования вы предъявляете к музыкантам, приглашая их в свой ансамбль?

— Первое и самое главное требование — виртуозное владение инструментом. Без этого невозможно излагать свою идею. Можно быть гениальным человеком, но если ты нем — об этом просто никто не узнает. Люди у нас подбираются по моральному принципу. Это не просто «звезды». Со «звездами», если это люди пустые, умеющие только быстро двигать пальцами, нельзя сделать серьезное дело. У нас же подобрался коллектив единомышленников. Существует жесткая дисциплина и требовательность друг к другу, а потому играть плохо, вполсилы, в «Арсенале» невозможно. Тот тяжелый период, который выпал на нашу долю, послужил хорошим фильтром.

Мы даем, как правило, пятнадцат-

ать концертов в месяц, а некоторые вокально-инструментальные ансамбли выступают три-четыре раза в день и чувствуют себя при такой нагрузке достаточно хорошо. Мы предпочитаем играть инструментальную музыку и хотим приучить широкого слушателя к инструментальным произведениям. В нашей музыке мы хотели синтезировать и джазовые, и симфонические, и камерные идеи.

Именно после концертов в стиле джаз-рок кто-то может заинтересоваться классикой, традиционным джазом, народной музыкой. Мне бы тоже очень хотелось включить в свою программу вокальные партии с насыщенным содержанием, например, вокальный цикл Шостаковича на слова

Микеланджело. Петь же о бытовых темах на простеньких красивых гармониях, я считаю, можно, но в каком-нибудь другом коллективе.

Пока у меня нет идеи насчет вокала. Даже нашумевший диск Давида Тухманова не приближается к моему идеалу вокальной партии. Музыка там взята из традиционной «популярности», а слова из классической поэзии. Музыка пластинки очень похожа на современную западную рок-музыку, и стоит она, конечно, гораздо выше современных эстрадных песенок. Пластинка интересна, оригинальна, но ее музыкальная форма все же далека от глубочайшего поэтического содержания.

Я, признаться, такого несоответствия просто боюсь. Поэтому мы играем свои инструментальные песни, а также пытаемся нарисовать картину мирового развития рок-музыки. Наш жанр можно назвать сплавом. Это не смесь различных течений, а единый, синтетический жанр, обладающий свойствами, отличными от свойств составляющих элементов. Наша музыка не похожа ни на джаз, ни на рок, ни на симфоническую музыку. Мы берем элементы, соединяем их и получается качественно новый материал. Подобная тенденция характерна для многих видов искусства. В современной музыке накоплено очень много стилей, форм общения со слушателем, и теперь надо подумать о том, как их использовать. Время узкой специализации прошло. Наступила эпоха осмысления.

В начале нашей деятельности были образцы, которым мы бы хотели следовать. Это ансамбль пианиста Чиккарни, американская группа «Прогноз погоды» и некоторые другие. Но даже у этих музыкантов мы брали прежде всего их метод сплава стилей. Нам близки те музыканты, для кого музыка — способ самосовершенствования. Мы ищем свои темы в разных направлениях. Вот, например, моя композиция «Башня из слоновой кости». В ней использованы мотивы средневековой французской музыки. А в композиции «Танец шамана» использован принцип пяти нот — пентатона, характерный для некоторых северных народов — вогулов, якутов, остяков.

Поиски нового непременно приводят человека к своему открытию. Только тогда музыка перестанет быть знакомым незнакомцем, послужит тем фундаментом, на котором могут возникать новые музыкальные жанры, новые течения и тенденции.

Беседовал с гостем
Г. ХАРИТОНОВ.

Алма-Ата.